

Телегид

Андрей Норкин: «Мы можем говорить все, потому что нас не видят в России»

Русский Курьер - 2004 - 20 янв. - с. 9.

Аналитики утверждают, что на современном российском телевидении осталось совсем мало объективной информации. Однако мало кто знает, что существует телеканал, все еще хранящий независимость от власти. Другой вопрос, почему мы его не видим и чего стоит эта независимость. За ответами на эти и другие вопросы корреспондент «РК» отправилась к заместителю генерального директора радиостанции «Эхо Москвы», главному редактору телекомпании «Эхо» Андрею Норкину, которого российские зрители помнят по работе на старом НТВ и ТВ-6.

— Андрей Владимирович, так что же такое «Эхо ТВ»? И почему мы вас не видим?

— «Эхо ТВ» — это производящая компания, которая на данный момент производит телевизионный продукт для спутникового канала RTVI («Международное русское телевидение»). Но в России распространены лишь спутниковые каналы «НТВ-Плюс» и «Космос-ТВ», в пакет которых наш канал не входит. Поэтому, чтобы смотреть наши программы, необходимо серьезное желание: нужно покупать специальный ресивер, тарелку, карточку, а процедура эта финансово очень затратная. Не все могут себе позволить потратить на это удовольствие несколько сотен долларов. Вот почему нас не видят. Но это не единственная причина. Дело в том, что нам не особо дают возможность продвигаться на российском рынке, к примеру, в регионы. Видимо, существуют какие-то меры давления на наших коллег. На словах с нами хотят сотрудничать многие, но до реальных договоренностей дело пока не дошло. Ситуация очень сильно изменилась с лета прошлого года. Если до того я мог уверенно говорить, что наши программы смогут увидеть в пяти-шести крупных российских городах, то сейчас все это приостановилось.

— Политическая ситуация имеет отношение к вашим проблемам?

— Думаю, в первую очередь. Мы ведь работаем так, как привыкли работать на НТВ, на ТВ-6. Для нас не существует в информации каких-то табуированных тем. Мы, естественно, рассказываем обо всем, что происходит в стране. Другое дело, что мы технически не можем сравниться с нашими российскими коллегами, у нас не хватает оборудования. Но мы берем тем, что у

нас нет цензуры. Впрочем, и цензуры у нас нет потому, что в России нас не видят, — так мы себе сами это объясняем. Если бы нас видело большое количество российских зрителей, думаю, у нас было бы проблем гораздо больше.

— Ваш канал по-прежнему принадлежит Владимиру Гусинскому?

— Да, в этом ничего не изменилось. Я никогда не скрывал, что мы работаем на его деньги. Собственно, канал «Эхо ТВ» живет на деньги, которые мы получаем от Гусинского и от продажи материалов, которые мы производим.

— А Владимир Гусинский каким-то образом влияет на политику канала?

— Нет, он абсолютно никак на нас не влияет. Все вопросы, которые касаются содержания наших информационных программ, решаю я. В некоторых случаях, если мне требуется какой-то совет, я обращаюсь к Алексею Венедиктову, который является для меня не только коллегой, но и другом.

— Сегодня практически все телеканалы начинают выпуск новостей с отчетов о передвижениях президента Путина...

— Владимир Владимирович, естественно, присутствует в наших выпусках, поскольку он — глава государства, и не говорить о нем в новостях будет просто неправильно. Другое дело, что не нужно из деятельности президента и его ближайших помощников делать главную новость. Если где-то погибают новорожденные младенцы — это для нас главная новость. С другой стороны, нам совершенно не хочется, чтобы у нашего зрителя складывалось впечатление, что мы очерняем действительность. Но, когда спикер Совета Федерации господин Миро-

Мне периодически звонят коллеги, которые работают на больших центральных каналах, и спрашивают, нет ли у нас возможности подработать. К сожалению, пока приходится отказывать

нов говорит, что устал от чернухи и порнухи и после новостей ему жить не хочется, то возникает вопрос: а что сейчас показывают в российских новостях-то? А показывают президента Путина и спикера Совета Федерации господина Миронова... Собственно, после чего ему жить-то не хочется? Какая-то тут проблема с логикой, по-моему.

— Но вы же на «Эхо ТВ» не ограничиваетесь только выпусками новостей?

— Пока у нас только информационное вещание. Мы начинали с одного выпуска в день, сейчас у нас три информационных выпуска ежедневно, один из них итоговый, который ведет в своем ключе Володя Кара-Мурза, как он это делал на

НТВ, ТВ-6 и ТВС. Есть большая воскресная итоговая программа «Российская панорама», ее ведет Матвей Ганапольский. Она идет в прямом эфире, и у наших зрителей есть возможность звонить и присылать по электронной почте вопросы. Сейчас мы готовим и, надеюсь, успеем до президентских выборов выйти еще с одной большой

аналитической программой, которая будет идти в конце недели. По жанру она ближе к ток-шоу, хотя мне и не очень нравится этот термин, поскольку ток-шоу предполагает большую зрительскую аудиторию в студии. У нас таких возможностей нет пока. Есть еще парочка задумок, но пока много сил уходит на подготовку новостей, поскольку

штат у нас очень небольшой, порядка 80 человек.

— Были ли прямые нарекания на вашу работу со стороны властей?

— Прямых не было. Хотя я знаю, что нас смотрят и в администрации президента, и в ФСБ, и в Генеральной прокуратуре. Нам многие даже интервью соглашаются дать при условии, что мы ничего не вырежем. Бывают неприятности с работой в регионах, когда наши коллеги говорят, что им просто не дают информацию из-за того, что для нашего канала ее давать нельзя. С этим сталкивались неоднократно.

— Вы не чувствуете себя опальным телевидением?

— Нет, по крайней мере, я себя не чувствую опальным. И мне кажется, что ребята, которые со мной работают, этого тоже не ощущают. Если бы кому-то было некомфортно, не хватало возможностей проявить себя творчески, никто бы здесь не работал. Мне кажется, как раз наоборот: мы сейчас в более привилегированном положении, потому что над нами никто не сидит, и у корреспондента никаких советчиков, кроме меня, нет. А я если и делаю какие-то замечания своим сотрудникам, то они касаются исключительно профессиональных нюансов. Мало того, мне периодически звонят коллеги, которые работают на больших центральных каналах, и спрашивают, нет ли у нас возможности подработать. К сожалению, пока приходится отказывать.

— С тех пор как развалилось ТВ-6, вас перестала видеть многомиллионная аудитория российских зрителей, многие из которых вас очень любили. Вы не скучаете по популярности?

— Наверное, прозвучало бы странно, если бы я сказал, что страдаю без многомиллионной аудитории. Плохо, что нет возможности сказать то, что мы говорим, большому количеству людей. Я всё-таки не переживаю от того, что меня не узнают в Москве на улице. Зато меня знают в Тель-Авиве и в Лондоне.

— А на радиостанции «Эхо Москвы» вы уже ничего не ведете?

— Уже нет, и за это периодически получаю втык от Венедиктова. У меня очень много времени отнимает работа на «Эхо ТВ»: новые проекты, оборудование студий. Кроме того, неделю через неделю я сижу в телеэфире, поэтому на «Эхо Москвы» могу появляться очень редко. Для радио это неудобно, но я еще вернусь. Я всегда с удовольствием работаю в радиозфире, поскольку на

чинал я на радио, и всегда приятно снова сесть к микрофону.

— Есть ли отличие работы на радио от работы на телевидении?

— Лично для меня в работе на радио больше свободы. Я сажусь в эфир, и меня не волнует, что я плохо поборился, какая у меня рубашка, не бликует ли галстук. Радио дает ощущение комфорта, домашнего уюта. На телевидении этого нет, потому что здесь существует масса особенностей, которые надо учитывать. Поэтому эти две работы хорошо друг друга дополняют. Кроме того, разница в оперативности — на радио все происходит быстрее, поскольку задействовано меньше людей и техники.

— Поговаривают, что наступил кризис СМИ — ограничен кремлевский пул, много запретных тем, все телеканалы говорят только то, что им позволено. Как вы оцениваете эту ситуацию?

— На мой взгляд, причина не в том, что существует какое-то внешнее давление на СМИ, а в том, насколько быстро люди, работающие в этой сфере, приняли для себя новые правила игры. И это, на мой взгляд, намного хуже. Конечно, мне легко давать советы: мол, не надо было так себя вести, надо все делать по-другому, бороться и так далее. С другой стороны, этот внутренний цензор, который так до конца и не был истреблен в среде нашей отечественной журналистики, снова вошел в силу. Был период, когда ребята, приехавшие на факультет журналистики, считали своим кумиром Отара Кушанашвили и хотели брать интервью у «Иванушек Интернэшнл». Сейчас ситуация несколько изменилась, но я боюсь, что мы придем к белорусской ситуации, в которой молодые люди искренне верят, что батя Лукашенко действительно заботится о стране, охраняет ее от внешних врагов. Боюсь, что это может нам очень серьезно аукнуться.

— Так все-таки как это откликнется на телевидении? Что с ним происходит?

— На телевидении идет совершенно неоправданный перекос в сторону развлекательных программ. Мне сложно это приветствовать. Ладно было бы, если бы это все было сделано профессионально. Это, конечно, дело вкуса, но бесконечные юмористические передачи на меня лично нагоняют тоску.

Алина РЕБЕЛЬ